

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФ. М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО (1903–1981)
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 16–18 ОКТЯБРЯ 2023 Г.

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL MEMORIAL CONFERENCE
«120 YEARS OF PROF. MIKHAIL IVANOVICH STEBLIN-KAMENSKIJ»
ST. PETERSBURG, OCTOBER, 16–18, 2023

DOI: 10.30842/ielcp2306901528102

Б. С. Жаров
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия. bzharov@gmail.com

**МИХАИЛ ИВАНОВИЧ СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ
ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА, АСПИРАНТА, МЛАДШЕГО
КОЛЛЕГИ**

Автор статьи, бывший 60 лет преподавателем и 15 лет заведующим кафедрой скандинавской и нидерландской филологии Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета, вспоминает о годах, проведенных рядом с профессором Михаилом Ивановичем Стеблин-Каменским. В студенческие годы он посещал его лекции и занятия, слушал блестящие рассказы о людях и событиях, затем получал большую помощь в работе над курсовыми и кандидатский диссертацией. Позже был свидетелем мудрого руководства первой в стране специальной кафедрой по скандинавистике с первоклассным преподавательским составом.

Ключевые слова: Ленинградский (Санкт-Петербургский) государственный университет, скандинавская филология, М. И. Стеблин-Каменский как педагог, ученый и организатор.

Boris S. Zharov
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. bzharov@gmail.com

**Mikhail Ivanovich Steblin-Kamensky in the eyes of his student,
postgraduate student, and later his junior colleague**

The author of the article, who was a teacher for 60 years and head of the Department of Scandinavian and Netherlandish Philology at the Leningrad (St.Petersburg) State University for 15 years, recalls the years spent next to Professor Mikhail Ivanovich Steblin-Kamensky. During his student years, he attended his lectures and classes, listened to brilliant stories about people and events, then received great help in working on

term papers and a Ph.D. thesis. Later he witnessed the wise leadership of the first special department in Scandinavian studies in the country with a first-class teaching staff.

Key words: Leningrad / St. Petersburg State University, Scandinavian philology, M.I. Steblin-Kamensky as a teacher, scientist and organizer.

Тоурбергюру Тоурдарсон? Кто это? С этим вопросом в голове я шел 12 марта 1959 года по коридору филологического факультета университета в Ленинграде. Может показаться странным, что я так хорошо помню вопрос и еще дату. Но из дальнейшего видно, почему.

Студентов и преподавателей кафедры скандинавской филологии неожиданно попросили собраться в одной из больших аудиторий. «Михаил Иванович будет говорить о Тоурбергюре Тоурдарсоне». Я, конечно, знал, что профессор М. И. Стеблин-Каменский, заведующий кафедрой, читавший у нас теоретические дисциплины, крупнейший специалист по древнеисландской литературе, недавно побывал в Исландии. Но хотя я учился уже на третьем курсе датского отделения и, как полагается, думал, что много знаю, я никогда не слышал о Тоурбергюре Тоурдарсоне. Не прояснили ситуацию и другие студенты трех скандинавских отделений, которые шли по коридору в том же направлении, даже те, что учились на пятом курсе.

И когда мы собрались в аудитории 198 с окнами на Неву, с видом на освещенный заходящим солнцем Медный всадник на противоположном берегу, Михаил Иванович необыкновенно торжественно провозгласил: «Именно сегодня исполняется 70 лет Тоурбергюру Тоурдарсону, самому замечательному из всех современных исландских писателей». После чего стал рассказывать о жизни и творчестве писателя.

Михаил Иванович был божественным рассказчиком. После поездок в другие города или страны он говорил о них так, что приходили слушать преподаватели других кафедр. А тут он был явно на подъеме, говорил и говорил все более и более увлеченно об удивительной жизни и еще более удивительных книгах исландского писателя, с которым он встречался в Исландии. Закончил он так: «А теперь, если вы не против, я пойду на почту и от имени всех нас pošлю Тоурбергюру Тоурдарсону поздравительную телеграмму!» Прозвучали бурные аплодисменты собравшихся. А рассказ и дата остались в памяти навсегда.

Когда в середине 1950-х годов я пришел на филологический факультет изучать датский язык, не было — сейчас это звучит странно — да, не было кафедры скандинавской филологии. Наша маленькая датская группа и параллельная норвежская были ничтожно малой частью большой кафедры германской филологии с преобладанием студентов английского и немецкого отделений. Более того, кабинет был один — общий еще и для кафедры романской филологии. Вот уж в нем-то мы точно чувствовали себя песчинками в пустыне. Мы гордились, что наш преподаватель Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова была дочерью знаменитых переводчиков Ганзенов, которые переводили сказки Андерсена. Она приносила нам распечатанные ею по ночам на пишущей машинке датские тексты из библиотеки ее родителей, поэтому необходимости ходить в кабинет за другими пособиями не было, как, впрочем, не было этих других пособий. Где-то вверху над нами существовала загадочная «кафедра», которая иногда принимала решения, почему-то всегда неприятные.

У кафедры был заведующий, но о нем знали только, что его зовут Михаил Иванович. Впервые мы увидели профессора Стеблин-Каменского как человека во плоти и крови на открытом заседании кафедры, когда он рассказывал присутствующим о своей поездке в Исландию, как выяснилось, его первой поездке в жизни, хотя к этому времени он очень долго занимался языком, литературой и историей этой страны. И о чудо! Столь далекая в пространстве и — во всяком случае, в моем сознании — далекая страна вдруг стала близкой. Я никогда раньше не слышал, чтобы человек рассказывал так живо и интересно. Природа, исторические места, разговоры с интересными людьми — слушателей увлекало все. Хорошо, что позднее рассказ об этой поездке был опубликован в журнале «Новый мир», хотя мне кажется, что устный вариант был лучше. По окончании задавались вопросы про Исландию. А потом одна преподавательница английского языка спросила: «Вы сказали, что была остановка в Шотландии. Можно подробнее?» Михаил Иванович удивился: «Но это всего лишь несколько часов в аэропорту. Правда, там мы пообедали. Обслуживал нас официант, который выглядел как настоящий лорд, передвигался, говорил, все делал медленно и с очень большим достоинством. Было даже как-то неловко утруждать его своими просьбами». Слушатели были в восторге.

Потом пришло время, когда Михаил Иванович пришел к нам в аудиторию как преподаватель читать курс лекций по древнескандинавской литературе. К этому времени вышла книга «Исландские саги», и я уже пробовал ее читать. Вообще-то я читал много и легко, и когда взял томик в руки, прикинул, что дня за три одолею. Не тут-то было. Я увяз в десятках персонажей, в их сложных взаимоотношениях, нелогичных поступках и загадочных реалиях и отложил на лучшее будущее. Как раз это будущее и наступило, когда я оказался слушателем курса Михаила Ивановича. Архаичные древние памятники словно ожили, заиграли яркими красками.

Узкая длинная аудитории. Михаил Иванович прохаживается вдоль ряда столов, сжимая в руке листки бумаги. Иногда в них заглядывает, но рассказывает легко и свободно. И увлекается сам. От старших студентов дошел рассказ о том, как однажды он долго говорил, не замечая, что стоит на собственном плаще. Когда позже я вернулся к чтению исландских родовых саг, у меня было впечатление, что это совершенно другое чтение, словно все происходящее теперь освещал яркий прожектор.

Преподавателей в дальнейшем у нас было немало, но в каждом теоретическом курсе мы пользовались уже вышедшими к этому времени капитальными трудами Михаила Ивановича «История скандинавских языков», «Древнеисландский язык», «Грамматика норвежского языка» и поражались многообразию его интересов.

В 1958 году на факультете прошли большие перемены. Существовавший в городе в послевоенные годы 1-й педагогический институт иностранных языков (1-й ЛГПИИЯ) был закрыт, существенно расширен прием на филологический факультет, и только старшекурсники института закончили у себя в 1960 г. На филологический факультет пришла оттуда большая группа преподавателей, кафедр стало больше. Михаил Иванович стал инициатором того, что появилась — причем впервые в истории страны — отдельная кафедра скандинавской филологии, которую он возглавил и руководил которой весьма успешно еще двадцать лет.

На четвертом курсе Михаил Иванович стал моим научным руководителем, я начал писать у него курсовую работу по грамматике датского языка. Известны руководители, которые неделями как бы «читают», то есть просто держат у себя дома работы студентов и аспирантов. Вот этого никогда не было с Михаилом Ивановичем. Он все написанное мною прочитывал

сразу и давал очень четкие и полезные указания, что так, что не так, что еще надо сделать. Однажды он сказал: «Если в работе что-то есть, то главное можно выразить одним предложением. А если нельзя, значит, там вообще нет ничего, много слов и только. Прежде чем написать свою статью, я ее долго обдумываю, потом сажусь и быстро пишу, потому что знаю, что хочу сказать». Это была очень хорошая школа.

У меня в планах было и дальше заниматься датской грамматикой, но в конце четвертого курса Михаил Иванович уговорил меня перейти на фонетику. Причина, как я понимаю, была в моих успехах в области датского произношения, как известно, невероятно трудного. Здесь придется вернуться к началу обучения. Ректор ЛГУ А. Д. Александров, в то время невероятно популярный у студентов всех факультетов, незадолго до этого совершил поездку в Данию. По-видимому, он рассказал там о существовании датского отделения, потому что в копенгагенском университете ему подарили книгу по датской фонетике, написанную известным ученым П. Дидериксеном, и комплект из нескольких шеллачных трехминутных пластинок с образцами произношения. Наша преподавательница была дочерью датчанина, но в теории фонетики разбиралась плохо. Уроки датской фонетики у нас вела Ирина Борисовна Ефремова, норвегист, которая очень профессионально объясняла датские звуки, а затем включала патефон и заставляла нас многократно слушать и повторять, исправляя наше произношение.

Конечно, оригинальные пластинки очень быстро испортились бы при интенсивном использовании, поэтому делались копии на рентгеновской пленке, где порой были видны ребра и кости. После занятий студенты собирались в очень маленькой аудитории кафедры фонетики, чтобы лишний раз послушать удивительные звуки: двадцать гласных фонем против шести русских и еще загадочный «толчок». При этом неукоснительно соблюдалось простое правило: перед тем, как поставить запись на пленке, надо было прокрутить обычную пластинку. В роли пробного шара иногда выступала пластинка с записью японской речи. Однажды после занятий несколько студентов включили такую японскую пластинку и, подустав от трудов праведных, замолкли, что случалось крайне редко. В аудиторию вбежал один из наших, опоздавший, быстро сел и стал внимательно слушать. Остальные не сговаривались, и глазом не моргнув, продолжали молчать. Варвары! Опоздавший слушал, с ужасом смотрел на нас, тер виски, естественно не воспринимая

язык, который интонационно был похож на датский. И только потом был взрыв хохота.

Остальные студенты относились к датской фонетике довольно спокойно, а мне нравилось. Кроме этого, несколько позже аспект разговор на занятиях по датскому языку стала вести Эстер Самуиловна Вейф, женщина, которая родилась и выросла в Дании и сохранила на всю жизнь нетронутым копенгагенское произношение. На основании занятий фонетикой, общения с датчанкой, а также встреч с приезжавшими датскими гостями я приобрел очень хорошие навыки в этой области.

По рекомендации Михаила Ивановича я на пятом курсе стал специализироваться в области фонетики, слушал лекции по общей фонетике у Льва Рафаиловича Зиндера, посещал занятия Маргариты Ивановны Матусевич и других фонетистов. И в это же самое время начал преподавать фонетику на первом курсе датского отделения. На одно из занятий пришел Михаил Иванович и потом дал несколько советов. Вводный курс датской фонетики стал моей дипломной работой, впоследствии в расширенном виде он был издан, это была первая книга в стране по датской фонетике. Михаил Иванович заговорил о возможной преподавательской работе на кафедре, это и произошло после моего окончания университета.

Попасть в этот удивительный коллектив было счастьем. Михаил Иванович однажды сформулировал это, когда в 1969 году отмечалось, причем весьма торжественно, 150-летие Санкт-Петербургского, тогда Ленинградского университета, основанного как тогда традиционно было принято считать, в 1819 г. Состоялось большое общегородское заседание в «Октябрьском» зале, а на факультетском выступали заведующие кафедрами. Михаил Иванович, рассказывая о нашей кафедре, начал так: «Однажды группа викингов наткнулась на местных жителей в каком-то месте Европы, и предводитель аборигенов спросил у викингов, кто у них главный, чтобы вступить с ним в переговоры. Последовал ошеломляющий ответ: “У нас нет главного. Мы все равны!”» Михаил Иванович сделал эффектную паузу и продолжил: «Вот у нас на кафедре именно так. Все равны. При этом каждый является лучшим специалистом страны в своей области. С. С. Маслова-Лашанская — лучший знаток шведской грамматики, В. П. Берков — норвежского и исландского языка, И. П. Куприянова — скандинавской литературы, Б. С. Жаров —

датской фонетики». Перечислив всех преподавателей, Михаил Иванович вздохнул: «Только у меня нет своей области. Я, конечно, мог бы поговорить со средневековым скандинавом, если бы он вдруг появился среди нас, но это маловероятно». Смех и аплодисменты присутствующих. Принцип взаимоуважения и равенства был основополагающим на кафедре вместе с принципами высокого педагогического мастерства и активной научной деятельности. Понятно, что все происходило при его непосредственном участии.

Эти годы были периодом консолидации научных сил, занимающихся исследованиями в области скандинавистики. Историки, экономисты, литературоведы и лингвисты стали регулярно встречаться на всесоюзных конференциях и теперь не только в публикациях, но и при личной встрече могли обсуждать назревшие проблемы. Всем стало ясно, какой огромной фигурой в науке был Михаил Иванович. На 3-й конференции, проходившей в Тартуском университете (фактически на студенческой базе в Кяэрику) в 1966 г., он был признан патриархом скандинавистики. Михаилу Ивановичу было чуть более 60 лет, и он не был рад такому определению, но если опустить возрастной фактор, то в высоком смысле это было совершенно справедливо, что подтвердили бурные аплодисменты присутствующих.

Михаил Иванович всегда внимательно следил за студенческой жизнью, иногда ему приходилось решать проблемы. В 1960-е годы не было платных студентов, но были целевые. Если государственное предприятие испытывало нужду в определенных специалистах, оно могло прислать кандидата, который поступал без экзаменов, получал стипендию от своего предприятия, а через 5 лет был обязан вернуться на родное предприятие. Однажды поступила заявка от крупного завода одного из городов страны на целевого специалиста по датскому языку. Приехавшая девушка оказалась весьма нерадивой, и через какое-то время встал вопрос об отчислении. Появился представитель завода, который горячо отстаивал необходимость продолжения обучения данного студента и потребовал встречи с заведующим кафедрой. Случайно выяснилось, что девушка была дочерью директора завода. Во время их разговора Михаил Иванович не стал говорить об этом факте, а сказал, что присланный кандидат оказался не очень удачным, но он понимает острую необходимость в специалистах по датскому языку на данном металлургическом заводе, и предложил прислать

хорошего выпускника уже сегодня. Представитель завода к такому повороту не был готов. Он исчез, надобность в специалисте по датскому языку почему-то отпала.

В 1978 году научная общественность отмечала 800-летие со дня рождения самого знаменитого из всех исландцев Снорри Стурлусона, создателя «Младшей Эдды» и «Круга Земного». Наша кафедра отметила дату заседанием, на котором выступил Михаил Иванович. Он начал так: «О жизни Снорри в общем мало что известно. Вместо того, чтобы выдумывать что-то, я лучше почитаю вам страницы из его произведения, которое я сейчас перевожу с несколькими коллегами для предстоящего первого на русском языке издания “Круга Земного”». И он стал читать свой перевод. Через короткое время всем присутствующим стало казаться, что не профессор, живущий в XX веке, а сам мудрый, все знающий, все понимающий Снорри рассказывает нам о том, что он узнал интересного и теперь делится знаниями со слушателями, своими современниками. Когда Михаил Иванович остановился, свистящим шепотом присутствующие сказали: «Еще!».

Таким мудрым, все знающим, все понимающим ученым и руководителем был для нас, студентов и преподавателей, наш Михаил Иванович Стеблин-Каменский.